

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+811.163.41'42+81'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.64-51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.27, 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Михаил Александрович Рудаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай, mihail.rudakov.93@mail.ru, SPIN-код: 5589-8203,
<https://orcid.org/0009-0000-6697-4201>

Концепты *корупција* и *коррупция* в сербском и русском медиадискурсах

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению структуры концептов *коррупция* в русском и *корупција* в сербском медиадискурсах в социокультурном и собственно лингвистическом аспектах. Исследование проводится в свете теории метафоры А. Н. Баранова. Объектом исследования являются концепты *коррупция* и *корупција* в контексте политического дискурса. Методом работы послужил качественный дискурс-анализ с элементами концептуального и метафорического анализа. Объект анализа — контексты употребления концептов в текстах СМИ на русском и сербском языках. Предметом исследования является функционирование указанных концептов, а также межъязыковые связи между соответствующими лексемами на лексикологическом уровне. Материалом исследования служат тексты ведущих печатных изданий на сербском и русском языках, опубликованные на официальных сайтах медиаизданий, а также данные толковых словарей русского и сербского языков, теоретические работы российских и сербских лингвистов. В исследовании доказывается гипотеза о нетождественности периферийной структуры концептов на родственных языках. Результатом настоящего исследования стала сеть метафорических значений, характерных для русского и сербского медийных дискурсов. Настоящее исследование имеет практическую значимость для исследования теории метафоры, сопоставительного славянского языкознания, в синхроническом и диахроническом изучении медийного дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, российские СМИ, сербские СМИ, язык СМИ, языковые средства, концептосфера, концепты, семантическое поле, концептуальные метафоры, коррупция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рудаков Михаил Александрович, преподаватель, Центр русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Китай, email: mihail.rudakov.93@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рудаков, М. А. Концепты *корупција* и *коррупция* в сербском и русском медиадискурсах / М. А. Рудаков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 128-136.

Mikhail A. Rudakov

MSU-BIT University, Shenzhen, China, mihail.rudakov.93@mail.ru, SPIN code: 5589-8203, <https://orcid.org/0009-0000-6697-4201>

The Concepts of ‘*Korruptsiya*’ vs ‘*Korupcija*’ (Corruption) in Russian and Serbian Media Discourses

ABSTRACT. This article investigates the structure of the concepts “*коррупция*” in Russian vs “*корупција*” in Serbian (both mean corruption) in media discourses from a sociocultural and linguistic proper perspective. The study draws on A.N. Baranov's theory of metaphor. The research focuses on the concepts of “*коррупция*” (corruption) and “*корупција*” (corruption) in the context of political discourse. The complex research method combines qualitative discourse analysis and elements of conceptual and metaphorical analysis. The contexts of the usage of these concepts in Russian and Serbian media texts make up the object of analysis. The scope of the study covers the functioning of these concepts and the interlingual ties between the corresponding lexemes at the lexicological level. The practical research material comprises texts from the leading Serbian and Russian-language print media, published on the official websites of these media outlets, as well as data from explanatory dictionaries of the Russian and Serbian languages, and theoretical works by Russian and Serbian linguists. This study confirms the hypothesis that the peripheral structure of the concepts in the related languages is not identical. This research has discovered a network of metaphorical meanings characteristic of Russian and Serbian media discourses. This study has a practical significance for the theory of metaphor, comparative Slavic linguistics, and the synchronic and diachronic investigation of media discourse.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, Russian media, Serbian media, mass media language, language means, conceptosphere, concepts, semantic field, conceptual metaphors, corruption.

AUTHOR'S INFORMATION: Rudakov Mikhail Aleksandrovich, Teacher, Russian Language Center, MSU-BIT University, Shenzhen, China.

FOR CITATION: Rudakov M. A. (2026). The Concepts of ‘*Korruptsiya*’ vs ‘*Korupcija*’ (Corruption) in Russian and Serbian Media Discourses. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 128-136. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Лексема *коррупция* носит концептуальное значение в текстах СМИ, что отражается в ее вербализации на лингвистическом (лексикографическом и концептологическом) и экстралингвистическом уровнях. В этой связи интересна дифференциация лингвокультур *родственных* языков.

Цель исследования заключается в разработке сравнительной иерархической парадигмы актуализаций значений внутри лексем-концептов *коррупция* и *корупција* как единиц реализации сербского и русского медиадискурса. В настоящей работе нами были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Каково лексическое наполнение ядерной зоны концептов на русском и сербском языках?
2. Какие метафорические модели репрезентируют периферийную зону?
3. Каким образом данные модели организованы?
4. Какова разница в актуализации метафорических моделей между русским и сербским дискурсами?

В рамках исследования мы выдвигаем гипотезу: родство языков (русского и сербского) не отождествляет концептуальные структуры массмедийных дискурсов, организованные по сетевому принципу. Социокультурные различия и политические факторы определяют как конфигурацию концептов, так и объем и характер периферийных зон.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой работы главным образом послужили труды по концептологии и теории метафоры.

С. Б. Куцый определяет концепт как «образование, значимое для данной культуры, отраженное в коллективном сознании, закрепленное за определенной областью действительности»¹. Сопоставительный анализ концептов — фиксация различий семантических признаков, актуализируемых в медиадискурсе двух лингвокультур. По Ю. Е. Прохорову концепт понимается как преференция способов и средств организации общения [Прохоров 2004: 188]; в рамках нашей работы — культурно маркированная префе-

ренция. В лексико-семантическом плане важно сопоставить характер коннотации, связанный с лексемами, обозначающими исследуемые политические понятия.

Медиадискурс осуществляет «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [Кожемякин 2010: 18]. В нашей работе мы исследуем суггестивную, информативную и экспрессивную и магическую (убеждающую) функции данного явления вслед за Т. Грейдиной [Грейдина 2012].

В юридическом понимании термин *коррупция/корупција* на обоих языках также объединен семей *власть* и может включаться в семантическое макрополе *власть*: он трактуется ФЗ «О противодействии коррупции» (редакция от 06.02.2023)², как «злоупотребление *служебным положением*, дача взятки, получение взятки, злоупотребление *полномочиями*, коммерческий подкуп» (курсив мой — М. Р.)

В лингвистической науке феномен коррупции как концепта исследовался А. Н. Барановым. Рабочим в свете конвенциональных метафор является суждение о том, что «структура метафор дискурса отражает „языковое бессознательное“ членов социума» [Баранов 2005: 25]. Обращение к дискурсу СМИ продиктовано тем, что он «представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, (...) отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума» [Иванова 2008: 29].

Метафора как способ выработки авторского взгляда на окружающую действительность «выполняет и функцию мышления» [Koller 2004: 2]. Один контекст может содержать разные по своим основаниям сравнения, которые, в свою очередь, привносят в семантическое поле различные по своей установке и степени выраженности оценки коннотации.

В лингвистической науке активно исследуется феномен метафоризации в масс-медийном дискурсе, однако, на основании проведенного анализа существующей научной литературы по данной теме, можно сделать следующий вывод: метафоризация оказывается недостаточно изученной в компаративном аспекте применительно к лингвокультурам родственных языков.

¹ Куцый, С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Куцый С. Б. — Ставрополь, 2003. С. 9.

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили тексты ведущих печатных медиаизданий на русском и сербском языках в период с 2019 по 2026 г. Предпочтение в рамках исследования отдавалось текстам федеральных/республиканских изданий, опубликованным на их интернет-порталах. Корпус примеров составлялся путем поиска лексем «коррупция» и «корупција» в поисковой строке сайтов медиаизданий.

Отбор источников осуществлялся по следующим критериям: 1) издание является федеральным (русские СМИ) / республиканским (сербские СМИ) с ежедневной или еженедельной периодичностью; 2) имеет официальный сайт с открытым архивом публикаций; 3) регулярно освещает социально-политическую тематику, 4) многолетняя (от 30 лет) история публикации.

Метод исследования — качественный дискурс-анализ с элементами концептуально-го и метафорического анализа. Объект анализа — контекст употребления лексемы *коррупция / корупција* (от словосочетания до абзаца).

Отбор контекстов осуществлялся методом направленной выборки: анализировались все случаи прямого значения или метафорического переноса. Общий объем проанализированного материала составил 300 контекстов (150 русских и 150 сербских).

Классификация метафор проводилась на основе дескрипторной теории метафоры А. Н. Баранова [Баранов 2005; Баранов 2014]. Выделялись метафорические модели по области-источнику: «болезнь», «животное / чудовище», «растение», «смерть», «ограничение / преграда» на основании ключевых лексем-маркеров.

В русскую выборку вошли издания «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета», «РБК», в сербскую — «Политика», «Данас», «Вечерние новости», «Нови стандарт».

Настоящее исследование имеет ограничения, характерные для дискурс-анализа. В корпус примеров на русском языке вошли проправительственные официальные издания, что ограничивает возможность сопо-

ставления по политическому признаку. Также метод направленной выборки не позволяет утверждать репрезентативность материала в статистическом смысле.

АНАЛИЗ ЯДЕРНОЙ ЗОНЫ КОНЦЕПТОВ

С целью выделения ядерных сем, входящих в структуру концепта *коррупция*, необходимо обратиться к лексикографическим данным. «Моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»¹. «КОРРУПЦИЯ (...) Подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц)»². Лексема *подкуп* толкуется так: «привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками»³.

Из приведенных толкований видно, что семы *передача денежных средств*, *моральная испорченность*, *незаконность*, *подкуп*, *должностное лицо* будут являться определяющими для поля. Предполагаем, что совокупность коннотаций, возникающих в процессе употребления лексем в медийном дискурсе, будет связана (прямо или косвенно) с актуализацией данных сем. Актуализация иных сем, не связанных с указанными выше элементами, будет формировать периферийное пространство поля.

В «Словаре матицы сербской» дано следующее определение лексемы *коруптирати*: «морально искварити подмиђивањем, новцем, морално се искварити под утицајем корупције»: «морально разложиться путем взяточничества, посредством денег, под влиянием коррупции»⁴. Лексема *корупција* толкуется посредством синонимического ряда «подмиђивање, потплаћивање, поткупљивање, уопште морална исквареност»: «дача взятки, подкуп, в целом моральная испорченность»⁵. Лексемы *корупција* и *подмиђивање*, переводимое словосочетанием *дача взятки*, отождествляются сербскими лексикографами. Как видим, в сербском языке актуализируются те же семы, что и в русском языке.

Вместе с тем, специфика лексической и семантической валентности лексемы *корупција* позволяет говорить о значительном

¹ Ожегов, С. И. Толковый словарь современного русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : ИТИ Технологии, 2003. — С. 307.

² Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.

³ Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. — Москва : Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.

⁴ Вујанић, М. Речник српског језика / М. Вујанић и др. — Нови Сад : Матица српска, 2011. — С. 558.

⁵ Вујанић, М. Речник српског језика / М. Вујанић и др. — Нови Сад : Матица српска, 2011. — С. 558.

расширении ядерной структуры поля именно в медийном дискурсе. Ядро семантического поля *корупција* состоит из двух элементов. Следующие взаимосвязанные по своей природе актуализации семы будут считаться ядерными для обоих дискурсов:

1) преступные действия: „Traže se i jasne i stroge kazne za funkcionere koji zloupotrebljavaju položaj ili budžetska sredstva i zaštitu uzbunjivača koji prijavljuju korupciju“ (Danas, 09.03.2026). Маркер актуализации семы — юридический термин *кривично дело* (*уголовное преступление*). К данной группе принадлежит также актуализация семы *превышать полномочия*, *zloupotrebljavati položaj*. «Ассоциация „Союз дорожников Кубани“ и фонд „Моя Кубань“ оказались в центре внимания в связи с расследованием уголовного дела о масштабной коррупции в дорожно-строительной отрасли Краснодарского края» (Коммерсант, 26.03.2026). Клише *расследование + чего* имеет сильную валентность с клише *уголовное дело о + чём*;

2) коррупция как объект борьбы: „Koalicija Niš, moj grad pozvala je danas nadležne institucije da hitno preduzmu konkretne korake u borbi protiv korupcije i pokažu da je ona stvarni prioritet, a ne samo politička parola“: «Сегодня коалиция „Ниш, мой город“ призвала компетентные органы срочно предпринять конкретные шаги в борьбе с коррупцией и показать, что это реальный приоритет, а не просто политический лозунг» (Danas, 09.03.2026). Наблюдается включение изучаемой лексики в официально-деловое клише *borba protiv korupcije, борьба с коррупцией*. Контекст примечателен наличием других штампов медийного дискурса: *preduzmu konkretne korake* ‘предпринять конкретные шаги’, *nadležne institucije* ‘уполномоченные органы’. Штампы вводят представление о коррупции как о части государственной и общественной системы, что углубляется постановкой оппозиции *stvarni prioritet* ‘реальный приоритет’ — *politička parola* ‘политический лозунг’ в конце данного контекста. Широко представлено употребление лексики *корупција* (*коррупция*) в составе публицистического штампа *борба против корупције* (*борьба с коррупцией*). Две указанные лексики образуют клише, и ядерные компоненты образуют смысловое единство.

Актуализации семы *преступление* способствует вхождение лексики *коррупция* в состав синтагмы *коррупция и криминал*, а соединение лексем сочинительным союзом *и* указывает на гипо-гиперонимическую взаимозависимость понятий. Актуализации семы *борьба* способствует употребление формы 1 л. мн. ч. глагола *усилить*, которая, уменьшая расстояние меж-

ду адресатом и адресантом медиатекста, является элементом прагматического уровня, так как обладает ярко выраженной суггестивной функцией.

Ядро поля *корупција* характеризуется соответствием употребления лексики в медийном тексте словарному значению, в языковом смысле отсутствием метафоричности, обилием официально-деловых клише, сложностью синтаксиса, характерной для текстов официального-делового стиля (обилие МСП, СПП). Очевидно, что в данных группах контекстов ведущей является установка автора статьи на информативность. «У наставку борьбе против коррупции и финансијског криминала (...), ухапсили су А. Ћ. (1983) и Н. Н. (1996), због постојања основа сумње да су извршили кривично дело превара у обављању привредне делатности» (Вечерње новости, 02.04.2025): использованы клише административного дискурса: *постојање основа сумње* ‘наличие оснований в подозрении’, *извршити кривично дело* ‘совершить уголовное преступление’, *обављање привредне делатности* ‘осуществление хозяйственной деятельности’.

На основании дискурс-анализа можно сделать следующий вывод: ядерная семантика обоих концептов включает семы *деньги, злоупотребление служебным положением, уголовное преступление, незаконное обогащение*, что согласуется с данными толковых словарей, за исключением субъективного компонента *моральная испорченность*. Данная сема встречается на периферии концепта в медиадискурсе, ее функционирование анализируется в рамках теории метафоры.

Ядерное наполнение лексики-концепта в русском и сербском медиадискурсах предельно схоже. Оба дискурса демонстрируют тенденцию к соединению нескольких клишированных оборотов в рамках одной синтагмы. В современном медиадискурсе на русском языке отчетлива тенденция к расширению ядра концепта *коррупция* и утрате яркой метафоризации лексики в контексте массмедийных СМИ, особенно федерального уровня («Коммерсант», «Ведомости»), что будет показано ниже.

АНАЛИЗ ПЕРИФЕРИИ КОНЦЕПТОВ НА РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим основные типы метафоризации лексики *корупција* с точки зрения выражения в ней непрямых смыслов. Так, коррупцию сравнивают с болезнью, отождествляют с источником страдания: „**Korupcija muči** čitavu državu, kao i svaku državu koju zapad drži u neokolonijalnom statusu“ (Južne vesti, 19.10.2025). Коррупция одушевляется

журналистами (глагол *мучити* 'мучить'), используется прием олицетворения и отождествления явления коррупции с коллективным Западом. Частотна сочетаемость с глаголом *разарати* 'разрушить': «Корупција разара Украјину» (Danas, 29.07.2023): «Коррупция разрушает Украину».

Контексты, в которых проявляется указанная метафоризация, многочисленны. «Država i društvo bili potpuno oboljeli od korupcije, kriminala i podmukle fašizacije» (Вијести, 02.05.2024) («Государство и общество полностью больны коррупцией, криминалом и фашизмом») — из интервью политолога Б. Граховца об Украине. Такие метафоры относятся к модели болезни по семантическому компоненту 'общие компоненты, составляющие заболевания — то, что инициирует заболевания — последствия заболевания'. Коррупция чаще всего сравнивается с раком. См. реализацию данного постулата в статье, посвященной стрельбе в школе «Владислав Рибникар» в Белграде: «Све што се дешавало после 3. маја, па и протести 'Србија против насиља', показало је колико је корупција дубоко ушла у ткиво друштва» (Глас јавности, 2023). Оборот *дубоко ушла у ткиво друштва* 'проникла в ткань общества' реализует критическую функцию и привносит олицетворение в метафору по модели: *коррупция = рак — отмыывание денег = проникновение метастаз*. Аналогичные примеры многочисленны: «Država u kojoj korupcija metastazira, zanemaruje ili uopšte ne obraća pažnju na socijalnu pravdu»: «Страна, где коррупция дает метастазы, игнорирует или вообще не обращает внимания на социальную справедливость» (Danas, 21.03.2021) — в оппозиционном издании данная метафоризация выполняет критическую функцию по отношению к властям Сербии.

В русском проправительственном медиадискурсе метафора болезни также присутствует, однако она чаще реализуется через лексемы с менее агрессивной семантикой («пандемия», «зараза») и нередко сопровождается указанием на меры противодействия («лекарство от коррупции», «профилактика»), что снижает оценочный потенциал. «В СФ рассказали о пандемии коррупции в Европе» (Сенат информ, 05.12.2025). Важно отметить, что метафора не олицетворяется: *коррупция = болезнь — распространение взяточничества = пандемия*.

Примечательно, что коррупцию метафорически сравнивают также со *смертью*: «Korupcija sveta, nigde "živih" para» («Коррупция процветает: „живых“ денег нигде нет») (Danas, 03.01.2021). Употребление лексемы

живой вкупе со смысловым противопоставлением ПП, входящих в состав данного БСП, формирует указанное скрытое сравнение. Примечательно, что оппозиция *живой — мёртвый* видна на уровне семантического противопоставления глагола *cvetati* 'цвести' и конструкции *nigde živih para*. Метафоризация лексемы *коррупция* двойная, опосредованная, то есть конечное сравнение коррупции со смертью осуществляется посредством употребления глагола *cvetati* 'цвести', метафорически обозначающего жизнь. Вместе с тем, лексема *pare* 'деньги' употребляется с прилагательным *živi* 'живой': *живыми* являются деньги, которые функционируют вне коррупционных схем. Так проявляется негативное отношение автора к коррупции и положительное к легальной финансовой политике.

К группе деструктивной метафоризации относятся метафоры *продовольственной* тематики, которые сравнивают коррупцию с едоком, внося в контекст негативную семантику *уничтожения*; см. глагол (по)жести, *хранити* (се) — *есть, питаться*. Например, «Kako je korupcija rojela život» (Bez cenzure, 05.11.2024): «Как коррупция „съела“ жизнь». «Држава мора да престане да смета привреди регулативом која храни корупцију» (Правда, 20.09.2023): олицетворяются нормативные акты (*регулативе*) = ИСТОЧНИК КОРМЛЕНИЯ (*хранити корупцију* 'кормить коррупцию'). Метафора вскармливания раскрывает коррупцию как внутренний продукт, порождение государственной системы. Так реализуется инвективная направленность текста: медиатекст имплицитно возлагает ответственность за масштабы коррупции на власть. Необходимо также отметить семантическое единство двух контекстов (коррупция как едок и как объект питания), что служит сращению метафор *продовольствие* и *живое существо, чудовище* в сербской языковой картине мира, для которой актуальна метафора КОРРУПЦИЯ = ЧУДОВИЩЕ + ЕДОК + ЕДА.

Между продовольственными метафорами и метафорами разрушения (соответствующие семы *еда* и *притеснение*) возможно установить прагматическую связь, поскольку данные метафоры имеют общую деструктивную природу: финитивное семантико-грамматическое значение видовой приставки *по-* в слове *пожести* 'съесть'.

Сербские журналисты подчеркивают системность явления коррупции, вследствие чего на периферии лексемы *корупција* возможно выявить актуализацию сем *образ жизни и системность*. Данный тип метафоризации также носит ограничительный характер. Примечательно, что сема *власть*,

актуализирующаяся в подобных контекстах, также служит олицетворению коррупции и выполняет дискредитирующую функцию (коррупция признается формой власти): „Novinar Srđan Škoro izjavio je danas da je Srbija duboko podeljeno društvo, s razorenim institucijama u kojem jedino slobodno caruje korupcija“; „U Srbiji je samo korupcija slobodna“ (Вести, 31.01.2022): «Журналист Срджан Шкоро сегодня заявил, что Сербия — это глубоко расколотое общество с разрушенными институтами, где царит лишь коррупция»; «В Сербии лишь коррупция свободна»; „Nismo bespomoćni nego ljuti na okruženje u kojem vlada korupcija“: «Мы не беспомощны, но злы на окружение, в котором властвует коррупция» (Banja Luka.com, 06. 12.2022). Дискредитирующая функция реализуется с помощью глагольной метафоры (лексемы *владати, царовати — властвовать, царить*).

Метафорическое сравнение *контролёр, царь* в данном примере связано одновременно как с собственно группой метафор власти и с группой метафор ограничительного типа. В сербском медиадискурсе типичны метафоры так называемого ограничительного типа: «...метафоры *барьер, бремя, грань, ограниченное пространство, паутина, сито, фильтр* объединены в метафорическую модель более широкого уровня... ограничительная метафора... на основании семантического следствия ‘ограничение, сужение чего-л.’ — деятельности субъекта, прозрачности источника света, пространства» [Баранов 2006]. Коррупция в сербском медийном дискурсе на переносном уровне сужает пространство, сковывает действия правовых субъектов, затрудняет функционирование системы управления: „Korupcija urušava i koči sveobuhvatan napredak države“ (Вijesti, 10.12.2024): «Коррупция разрушает и тормозит развитие государства». Ограничительная семантика реализуется благодаря семантике торможения (метафора вербализована через глагол *kočiti — тормозить*) в клише массмедийного дискурса *тормозить развитие*.

„Korupcija doseгла vrhunac koordinacija svih problema“ (Bljesak info, 18.02.2026): «Коррупция достигла своей вершины при координации всех проблем». Данные контексты указывают на метафорическое понимание коррупции и взяточничества как «вертикального явления». Вышеуказанный пример содержит введение метафоры *верх — низ*, что соответствует ключевому постулату теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что пространственные ориентиры «верх» и «низ» являются базовыми для осмысления абстрактных понятий:

«хорошее» концептуализируется как находящееся наверху, а «плохое» — внизу (GOOD IS UP; BAD IS DOWN) [Лакофф, Джонсон 2004: 14–17].

Семантика давления, притеснения, сравнение коррупции с разрушающей силой позволяют говорить о построении метафоры по предложенному образцу — в сербских СМИ коррупция «осуществляет давление» (см. оборот, выделенный курсивом; курсив мой — М. Р.): „Ta ista državna korupcija vrši pritisak da ispunimo zahtev kolektivnog zapada da kopamo i filtriramo litijum“ (Нови стандарт, 06.02.2025).

„Paukova mreža korupcije i zlostavljanja u ovoj kompaniji bila je neverovatna i vrlo mračna.“ (Blic, 19.04.2024): «Паутина коррупции и оскорблений в этой компании была невероятно мрачной» — о сексуальном насилии над женщинами со стороны главы египетской компании; „Prvaci BS-a... guraju svoju zemlju u ralje korupcije i kriminalnih klanova „Србија у раљама корупције“ (Вijesti, 11.04.2023): «Сербия в пасти коррупции». Данные примеры характеризуются наличием персонифицированной метафоры (сравнение неживого с живым; абстрактного явления с диким животным, хтоническим чудовищем). Введение метафоры *раля ‘пасть’* вносит сему *смерть* в пространство периферии поля *коррупција* на ассоциативном уровне. Метафора *paukova mreža* является смежной, входя в соответствии со своей семантикой одновременно в группы *животные* и *ограничительные метафоры (сеть — животное)*. Показателен выбор лексики *паук* в качестве основания для метафоры.

Ярко выраженная метафоризация анализируемой единицы с добавлением негативной коннотации также присутствует в русском медиадискурсе, но в последние годы наблюдается тенденция к нейтрализации негативных коннотаций в СМИ либо использования инвективных коннотаций при характеристике политики Запада. Это яркая отличительная черта медиадискурса на русском языке. В русском дискурсе коррупция также сравнивается с болезнью либо с явлениями деструктивного характера, как в следующих контекстах, где очевидна яркая негативная коннотация при употреблении лексики *коррупция*: «Коррупция разъела и сам Пентагон со всеми его спецорганами контроля» (Завтра, 02.08.2024). В примере метафора направлена на формирование отрицательного образа США. Негативная коннотация метафоры *КОРРУПЦИЯ = КОРРОЗИЯ* усиливается использованием клише *спецорганы контроля*, ассоциирующего читателя с государством.

Многочисленны примеры метафоры

КОРРУПЦИЯ = РАСТЕНИЕ, однако в современных примерах эмотивность данной метафоры снижается; вероятно, в российском медиадискурсе такая метафора всё больше воспринимается как устойчивый оборот. «Благодаря кому в высоких кабинетах народной столицы Дальнего Востока расцвела коррупция» (Daily Storm, 21.07.2020).

Примечательно, что «сопоставление коррупции с „гидрой“, „чудовищем“, „монстром“, „чудищем“, „драконом“ и другими существами образуют метафорическую модель „сверхъестественное существо“» [Барабаш 2016: 227]. Более того, вслед за замечанием А. Н. Баранова можем установить частотность метафорического сравнения коррупции с «саморазвивающимся организмом» [Баранов 2014]. Частотны метафоры роста (по Лакоффу — Джонсону) — как *вширь*, так и *ввысь*: 1) «вширь»: «Создается ощущение, что региону требуется серьезная чистка и что коррупция серьезно разрослась и поразила если не всех чиновников, то заметную часть» (МК, 16.04.2021) — глагол *разрастись* актуализирует семантику распространения явления на плоскости, к тому же мы видим развернутую двухкомпонентную метафору: КОРРУПЦИЯ = РАСТЕНИЕ + КОРРУПЦИЯ = БОЛЕЗНЬ (глагол *поразить*); 2) «ввысь»: «Через всю бесплатную медицину России фактически проросла коррупция» (Регнум, 11.03.2019) — аналогия с растением заложена в глаголе *прорастать*. В дополнение к вышеприведенным примерам КОРРУПЦИЯ = ЧУДОВИЩЕ + ЕДОК + ЕДА в данном случае в сербских СМИ встречаем пример развернутой метафоры: „Skoro neprijetno i tiho, kapilarno i postepeno, korupcija se uvukla u svaki deo društva i države“ (Bez cenzure, 05.11.2024) — в данном примере с помощью лексем *uvući se* «проникнуть», *postepeno* «постепенно», *kapilarno* «капиллярно = по капиллярам» разворачивается метафора коррупция = живой организм и коррупция = манипулятор.

Немногочисленны примеры с использованием продовольственной метафоры и метафоры *зверь*, *чудовище*. Пример метафоризации встречаем в цитате: «Одним из грехов Киева является коррупция, и она „жрет Украину изнутри“». Об этом заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков» (Ведомости, 12.11.2025). Эмотивная лексема с продовольственной семантикой приводится в контексте цитаты, однако сам журналист не использует данную лексему, что говорит о тенденции к опосредованной эмотивности в русском медиадискурсе. Экспрессивный глагол *жрать* вводит двойную метафоризацию: КОРРУПЦИЯ = ЖИВОТНОЕ; КОРРУПЦИЯ = ЕДОК. В сербском дискурсе в аналогичном значении используют

развернутые метафоры: „Korupcija proždire naš grad i naše društvo, a guta i žvotide građana“ (Danas, 24.12.2024): «Коррупция прожирает наш город, наше общество и проглатывает жизни граждан». В данном контексте семы *чудовище* и *смерть* сопряжены.

В сербском медиадискурсе возможно установить больший объем периферийного пространства и актуализацию большего числа периферийных значений. Соответственно, объем ядерной структуры семантического поля *коррупция* гораздо больше аналогичного сербского семантического поля *корупција*. Формирование периферийной оценочной актуализации происходит благодаря метафоризации лексем *коррупция* и *корупција* в изучаемых медиадискурсах.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявленные в ходе исследования факты позволяют сделать следующие выводы:

1) русский медиадискурс характеризуется большей степенью формализованности описания феномена коррупции: в СМИ на русском языке используется больше штампов из официально-делового стиля речи, из правового дискурса; сама лексема *коррупция* входит в большое количество стандартных оборотов массмедийного и правового дискурсов;

2) в русском проправительственном медиадискурсе в последние годы наблюдается уменьшение периферийной зоны концепта *коррупция*, нейтрализация контекстов с использованием этого слова-концепта;

3) концепт *корупција* как единица сербского медиадискурса отличается большим объемом периферии в сравнении с концептом русского медиадискурса *коррупция*, следовательно, концепт *корупција* более системно, нежели его русскоязычный аналог, регистрирует оценочные семы;

4) и русский, и сербский медиадискурс используют метафорический перенос как основное средство выражения эмоционально-оценочной семантики;

5) сербский медиадискурс отличается большей яркостью, оригинальностью и большим многообразием сем, образованных метафорическим переносом; русский медиадискурс по сравнению с сербским чаще использует «стертые» метафоры;

6) в русском проправительственном медиадискурсе официальной направленности контексты с ярко выраженной негативной семантикой встречаются в основном в составе цитат с интервьюируемым лицом, а также в текстах, оценивающих политику западных стран; в сербском медиадискурсе — в текстах, описывающих внутреннюю поли-

тику в оппозиционных изданиях;

7) в сербском медиадискурсе последовательно проводится олицетворение образа коррупции как живого существа, метафоры в русском медиадискурсе реализуются с использованием лексем с менее агрессивной семантикой;

8) оценочная коннотация на периферии семантического поля *коррупция* присутствует, однако выражение оценки в данном случае зависит от такого экстралингвистического фактора, как политическая направленность редакции медиаисточника на русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доказано, что концепты *коррупция* и *корупција* с метафорическим компонентом организуются по сетевому принципу: об этом свидетельствует пересечение нескольких метафорических значений в одном контексте. Выявлено соединение метафорических значений *власть — зверь — низ*; *сеть — зверь*; *болезнь — продовольствие* через семантику разрушения. Такая организация периферии возникает вследствие многообразия сем оценочного свойства в структуре периферии лексем-концептов. В обоих дискурсах с разной частотностью зафиксировано регулярное пересечение метафорических моделей «болезнь — разрушение — ограничение», а также «живое существо — пища — власть», что свидетельствует о высокой степени концептуальной интеграции и эмотивной насыщенности.

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что сербский медиадискурс демонстрирует более высокую степень метафорической креативности и оценочной маркированности по отношению к концепту *корупција*. На периферии данного концепта выявляется широкий спектр негативно-коннотативных сем (*смерть, мука, чудовище, едок, паутина, грязь*), которые регулярно актуализируются через развернутые и оригинальные метафоры. Русский медиадискурс, напротив, тяготеет к нейтрализации оценки, формализации и сокращению периферийной зоны концепта *коррупция*.

В российских СМИ актуализация негативной периферии прямо коррелирует с политической ориентацией издания: оппозиционные СМИ используют метафоры критической направленности, проправительственные избегают их. В сербском медиадискурсе оценочная периферия присутствует в изданиях разного политического спектра.

Проведенное сопоставительное исследование позволяет утверждать, что гипотеза о нетождественности конфигураций концептов на родственных языках доказана.

ИСТОЧНИКИ

А. На русском языке

1. «Газета.ру» : сайт. — URL: <http://www.gazeta.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
2. «Завтра» : сайт. — URL: <https://zavtra.ru/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
3. «Комсомольская правда» : сайт. — URL: <http://kp.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
4. «Коммерсант» : сайт. — URL: <http://kommersant.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
5. РБК : сайт. — URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
6. «Регнум» : сайт. — URL: <https://regnum.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
7. «Сенат информ» : сайт. — URL: <https://senatinform.ru/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
8. «Новая газета» : сайт. — URL: <http://www.novaya-gazeta.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
9. «Правда» : сайт. — URL: <http://gazeta-pravda.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
10. «Ведомости» : сайт. — URL: <http://vedomosti.ru> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
11. «Daily Storm» : сайт. — URL: <https://dailystorm.ru/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).

Б. На сербском языке

12. «Вести» : сайт. — URL: <http://vesti.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
13. «Вечерние новости» : сайт. — URL: <http://novosti.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
14. «Нови стандарт» : сайт. — URL: <https://standard.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
15. «Политика» : сайт. — URL: <http://politika.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
16. «Правда» : сайт. — URL: <http://www.pravda.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
17. «Република» : сайт. — URL: <https://www.republika.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
18. «Bez censure» : сайт. — URL: <https://bezcensure.rs/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
19. Blic : сайт. — URL: <https://blic.rs/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
20. «Bljesak.info» : сайт. — URL: <https://bljesak.info/> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
21. «Danas» : сайт. — URL: <http://danas.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
22. «Glas javnosti» : сайт. — URL: <http://www.glas-javnosti.rs> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
23. «Južne vesti» : сайт. — URL: <https://www.juznevesti.com> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).
24. «Vijesti» : сайт. — URL: <http://www.vijesti.me> (дата обращения: 01.01.2026—01.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барабаш, О. В. Концепт «коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка / О. В. Барабаш // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 223–229. — EDN YMXXRO.
2. Баранов, А. Н. Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог-2005». — Москва, 2005. — С. 25–30. — EDN RGQPPZ.
3. Баранов, А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. — 84 с. — URL: <https://indem.ru/anti-cor/AWBreport/RUTXT/142.htm> (дата обращения: 10.04.2026). — EDN PVXYPV.
4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — (Studia philologica). — ISBN 978-5-9905856-7-6.
5. Воронцова, Ю. А. Концепт КОРРУПЦИЯ в русской языковой картине мира: прагматический аспект / Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко // Когнитивные исследования языка. — 2017. — № 30. — С. 713–716. — EDN ZMQJBL.
6. Герасимова, А. В. Морбальная природа концепта «коррупция» в современном дискурсе СМИ / А. В. Герасимова // Studium juvenis : межвузовский сборник трудов молодых уче-

ных. — Челябинск : СИМАРС, 2014. — Вып. 7. — С. 9–14. — EDN XFUMPI.

7. Грейдина, Н. Л. Политическая коммуникация в системе СМИ (контекст событий юго-востока Украины) / Н. Л. Грейдина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Владикавказ, 2016. — № 4 (24). — С. 13–18. — EDN XBEUXN.

8. Заурвайн, К. Х. Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна? / К. Х. Заурвайн, В. Гиряева // Социологическое обозрение. — 2012. — Т. 11, № 3. — С. 105–119. — EDN PXBXSJ.

9. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2008. — Вып. 1 (24). — С. 29–33. — EDN JVZAPT.

10. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. — 1972. — № 1. — С. 57–68. — EDN OKBZFC.

11. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — Вып. 11. — № 2 (73). — С. 13–21. — EDN MTXURN.

12. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Джордж Лакофф, Марк Джонсон; перевод с английского; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.

13. Пинчук, А. Н. Коррупция в свете социологических теорий / А. Н. Пинчук // Горизонты гуманитарного знания. — 2019. — № 2. — С. 80–95. — DOI 10.17805/ggz.2019.2.6. — EDN TKJAKC.

14. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2004. — 204 с. — ISBN 5-98269-028-7. EDN MBMAVB.

15. Koller, V. Metaphor and Gender in Business Media Discourse / V. Koller. — New York : Pallgrave Macmillian, 2008. — 245 p. — ISBN 9780230217072.

MATERIALS

A. In Russian

1. Gazeta.ru. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://www.gazeta.ru>.

2. Zavtra. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://zavtra.ru/>.

3. Komsomolskaya pravda. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://kp.ru>.

4. Kommersant. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://kommersant.ru>.

5. RBK. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://www.rbc.ru/>.

6. Regnum. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://regnum.ru>.

7. Senat inform. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://senatinform.ru/>.

8. Novaya gazeta. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://www.novayagazeta.ru>.

9. Pravda. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://gazeta-pravda.ru>.

10. Vedomosti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://vedomosti.ru>.

11. Daily Storm. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://dailystorm.ru/>.

B. In Serbian

12. Vesti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://vesti.rs>.

13. Večernje novosti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://novosti.rs>.

14. Novi standard. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://standard.rs>.

15. Politika. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://politika.rs>.

16. Pravda. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://www.pravda.rs>.

17. Republika. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://www.republika.rs>.

18. Bez cenzure. Available January 1, 2026 — April 1, 2026

from <https://bezcenzure.rs>.

19. Blic. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://blic.rs/>

20. Bljesak.info. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://bljesak.info>.

21. Danas. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://danas.rs>.

22. Glas javnosti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://www.glas-javnosti.rs>.

23. Južne vesti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <https://www.juznevesti.com>.

24. Vijesti. Available January 1, 2026 — April 1, 2026 from <http://www.vijesti.me>.

REFERENCES

1. Barabash, O. V. (2017). Kontsept “korruptsiya” i ego reprezentatsii v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka = The concept of “corruption” and its representations in the semantic space of the Russian language. *Political Linguistics*, 6, 223–229.

2. Baranov, A. N. (2005). Fenomen korruptsii v metaforakh dvukh diskursov = The phenomenon of corruption in the metaphors of two discourses. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialog 2005”*, Moscow, 25–30.

3. Baranov, A. N., Mikhailova, O. V., Shipova, E. A. (2006). Nekotorye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoy metaforiki = Some constants of Russian political discourse through the prism of political metaphors. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 84 p. Available from <https://indem.ru/anti-corr/AWBreport/RUTXT/142.htm?ysclid=mnspt6agcj35763778>.

4. Baranov, A. N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptor theory of metaphor. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 632 p. (Studia philologica).

5. Vorontsova, Yu. A., Khoroshko, E. Yu. (2017). Kontsept KORRUPTSIYA v russkoy yazykovoy kartine mira: pragmaticheskiy aspekt = The Concept of CORRUPTION in the Russian Linguistic Picture of the World: The Pragmatic Aspect. *Cognitive Studies of Language*, 30, 713–716. EDN ZMQJBL.

6. Gerasimova, A. V. (2014). Morbial'naya priroda kontsepta «korruptsiya» v sovremennom diskurse SMI = The Morbid Nature of the Concept “Corruption” in Modern Media Discourse. *Stadium juvenis. Interuniversity Collection of Works by Young Scientists*, 7, 9–14. Chelyabinsk: SIMARS. EDN XFUMPI.

7. Grejdina, N. L. (2016). Politicheskaya kommunikatsiya v sisteme SMI (kontekst sobyitiy yugo-vostoka Ukrainy) = Political communication in the media system (the context of the events in southeastern Ukraine). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4(24), 13–18.

8. Zaurvayn, K. Kh., Giryayeva, V. (2012). Korruptsiya — vozvrashchenie «starogo» mira v ehpokhu moderna? = Corruption: A Return of the “Old” World to the Modern Era? *Sociological Review*, 11(3), 105–119. EDN PXBXSJ.

9. Ivanova, S. V. (2008). Politicheskii media-diskurs v fokuse lingvokulturologii = Political media discourse in the focus of cultural linguistics. *Political Linguistics*, 1(24), 29–33.

10. Karaulov, Yu. N. (1972). Struktura leksiko-semanticheskogo polya = The structure of the lexical-semantic field. *Philological Sciences*, 1, 57–68.

11. Kozhemyakin, E. A. (2010). Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniy = Mass communication and media discourse: Towards a methodology of research. *Scientific notes of Belgorod State University. Series: Humanities*, 11(2), 13–21.

12. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live By. (A. N. Baranov, Ed. & Trans.). Moscow: Editorial URSS, 256 p.

13. Pinchuk, A. N. (2019). Korruptsiya v svete sotsiologicheskikh teorii = Corruption in Light of Sociological Theories. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2, 80–95. DOI 10.17805/ggz.2019.2.6. EDN TKJAKC.

14. Prokhorov, Yu. E. (2004). V poiskakh kontsepta = In search of the concept. Moscow: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, 204 p.

15. Koller, V. (2008). Metaphor and Gender in Business Media Discourse. New York: Pallgrave Macmillian, 245 p.